

Мозговая Алла Викторовна

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
с исполнением обязанностей
заведующей сектором проблем риска и катастроф
Института социологии
Российской академии наук

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
И РЕАБИЛИТАЦИЯ
ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ЛИКВИДАТОРОВ
(К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ КАТАСТРОФЫ)**

Аннотация:

В статье обосновывается статус аварии на Чернобыльской АЭС как социальной катастрофы. Анализируются подходы к научному определению понятий катастрофы, ущерба, реабилитации от последствий аварий на ядерных объектах. Обобщаются данные мониторинговых исследований основных показателей образа жизни участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (ликвидаторов). Представлены основные положения концепции социальной реабилитации пострадавших от радиационного воздействия.

Ключевые слова:

катастрофа, ликвидаторы, социальное самочувствие, социальная реабилитация, авария на Чернобыльской АЭС.

Mozgovaya Alla Viktorovna

PhD in Philosophy,
Leading Research Associate,
Acting Head of Risk
and Disasters Problems Sector,
Institute of Sociology,
Russian Academy of Sciences

**SOCIAL FEELING AND AFTERCARE OF
CHERNOBYL RESCUERS
(ON THE OCCASION OF THIRTIETH
ANNIVERSARY SINCE THE DISASTER)**

Summary:

The article substantiates the status of the Chernobyl accident as a social disaster. The author analyses approaches to scientific definition of such concepts as disaster, damage, rehabilitation after the consequences of accidents at nuclear facilities. The paper summarises data of monitoring studies assessing the main indicators of lifestyle of Chernobyl liquidators. The main provisions of the conception of social rehabilitation of radiation victims are discussed.

Keywords:

disaster, rescuers, social feeling, social rehabilitation, Chernobyl accident.

Произошедшая тридцать лет назад авария на Чернобыльской АЭС стала определенной материализацией абстрактных рассуждений об обществе риска, практическим обоснованием сомнений в соответствии технического прогресса естественным основаниям жизнедеятельности социума. Возрос и потенциал сомнения в осмысленности того пути прогресса, основной предпосылкой которого является вера в возможность технического совершенствования и дальнейшей оптимизации технических решений. В ряде стран (Германия, Швеция и др.) возникло движение массового протеста против деструктивного потенциала инструментального разума и против возможной потери контроля над риском. Авария на Чернобыльской АЭС поставила многих людей перед необходимостью жить и работать в условиях повышенного риска. Изменилась непосредственная жизненная среда значительной части населения Центральной России. В структуру жизненных условий, с которыми человек взаимодействует постоянно, вторгся мощный негативный фактор – радиационная угроза, сильно подорвав защитную функцию жизненной среды территориальных общностей и целых регионов.

О чернобыльской катастрофе сказано и написано много. Защитный механизм как индивидуального, так и общественного сознания, однако, стирает в общественной памяти целый ряд подробностей трагедии. Не забудут их только те, кто уже тридцать лет испытывает на себе невидимое, но жестокое действие радиации.

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской АЭС, расположенной вблизи села Копачи в 160 км к северо-востоку от Киева и в 15 км северо-западнее города Чернобыль Киевской области Украины, произошла крупнейшая в мировой истории развития ядерной энергетики авария. Более 135 тыс. чел., проживающих в радиусе 30 км от разрушенного реактора, были эвакуированы. На Украине в зоне радиационного контроля оказались 50 тыс. чел.; в Белоруссии – 110 тыс. чел. В России радиационному воздействию аварии подверглись 16 областей и одна автономная республика с почти трехмиллионным населением. Наиболее загрязненными признаны Брянская, Калужская, Тульская, Орловская области. В Брянской области России от аварии пострадали 112 тыс. (!) чел., из которых 56 тыс. чел. подверглись вынужденному переселению с привычных и обжитых территорий. Более 600 тыс. жителей бывшего Советского Союза принимали участие в ликвидации последствий аварии (их принято называть ликвидаторами). После 1986 г. на территориях, подвергшихся радиационному воздействию, появился новый социум «чернобыльцы», с присущим только

им одним образом жизни, поведением, ментальностью [1, с. 11]. «Чернобыльцы» за тридцать лет накопили беспрецедентный коллективный опыт преодоления социально-культурной травмы.

Одна из категорий жертв чернобыльской катастрофы – ликвидаторы. Эти люди проживают в различных регионах страны. Только небольшая часть чернобыльских ликвидаторов является профессионалами и добровольцами; большинство же представляют собой рядовых граждан, призванных в Чернобыль через военное ведомство.

Из зарубежного опыта известно, что даже профессиональные спасатели в посткатастрофный период испытывают проблемы физического и психологического характера. Мировой посткатастрофный опыт также показал, что японские хибакуся – различные категории жертв ядерной бомбардировки городов Хиросимы и Нагасаки, переживают целый ряд социальных проблем, помимо проблем физического и психологического порядка. Еще в 70-х гг. прошлого века Аллен Бартон проанализировал социальные последствия ряда масштабных природных и техногенных катастроф (в том числе и бомбардировки Хиросимы) и обосновал ограниченность понимания ущерба от бедствий и катастроф только как материальных и физических потерь [2].

Авария на Чернобыльской АЭС как социальная катастрофа

Социальные проблемы катастроф систематически стали изучаться с середины 50-х гг. XX в., хотя первым эмпирическим исследованием в области катастроф, которое имело социальную направленность, считается докторская диссертация Самуэля Принса, опубликованная в трудах Колумбийского университета в 1920 г. В 1932 г. Лоуэлл Карр опубликовал статью по проблемам катастроф и социальных изменений [3], а в 1942 г. увидела свет монография Питирима Сорокина, посвященная катастрофам [4].

К концу 1980-х гг. возникла потребность обобщить исследования социальных аспектов катастроф. Одним из результатов аналитической работы была классификация стадий катастрофы и уровней анализа социальных процессов, имеющих место на каждой из них [5, р. 19].

Таблица 1 – Стадии катастрофы и уровни анализа социальных процессов, имеющих место на каждой стадии

Стадии катастрофы	Уровни анализа
1) подготовительная (предупреждение)	1) индивидуальный
2) ответная (эвакуация и преодоление критических стадий)	2) групповой
3) восстановление (реконструкция)	3) организационный
4) смягчение последствий (восприятие катастрофы и регулирование)	4) общность
	5) государство (страна)
	6) международный

Развитие научного направления, получившего название «исследование катастроф», отличается рядом особенностей. Первая состоит в том, что на начальной стадии исследования фокусировались исключительно на прикладных вопросах или практических интересах, поскольку финансировались именно такие проекты. Это в значительной степени определило техники, процедуры, методики проводимых исследований и тип катастроф, которые становились объектом анализа, – преимущественно природные катастрофы. Вторая особенность состоит в том, что эффективным методологическим подходом был социологический. Э. Карантелли считает, что применявшийся в то время исследовательский подход, сочетавший в себе прикладные интересы и базовые социологические понятия, оказал преимущественно позитивное воздействие на развитие научного направления [6].

За годы научных изысканий был накоплен солидный теоретико-методологический, методический, эмпирический материал от исследования технических и природных катастроф до социально-политических событий. Однако к концу 1990-х гг. потребовалась саморефлексия, результатами которой стали ряд семинаров, специальный выпуск профессионального журнала и книга «Что такое катастрофа?».

Основной вопрос, возникший на базе анализа накопленного материала: катастрофа – природное явление или социальная конструкция? Представляется, что на данном этапе имеет место выделение внутри исследовательского направления собственно социологической компоненты, а именно определения «социального пространства и социального времени» по отношению к предмету исследования. Анализ различных подходов к определению ключевого для исследовательской области понятия катастрофы не является предметом данной статьи. Отметим, однако, что исследователи в области катастроф объектом своего анализа считают определенный класс событий, наиболее очевидными характеристиками которых являются следующие: эти события наносят значительный вред материальной (природной) и социальной среде; они происходят внезапно, или их социальная острота накапливается от стадии к стадии; возможна разработка реальных мер по смягчению (ослаблению) разрушительных эффектов этих событий как до, так и после того, как они произошли [7, р. 258].

Из попыток классифицировать методологические подходы к анализу подобных событий отметим три. Клод Гилберт считает, что множество теоретических подходов к исследованию катастроф может быть сгруппировано вокруг трех основных парадигм. В рамках первой катастрофа рассматривается по аналогии с войной как копирование войны (катастрофа приписывается действию внешних факторов). Второй подход рассматривает катастрофу как выражение социальных уязвимостей (катастрофа – результат внутренних процессов). Наконец, третья парадигма рассматривает катастрофу как вход в неопределенность [8].

Карл Пеланда считает, что все подходы к определению понятия катастрофы можно объединить, рассматривая катастрофу через три атрибутивных свойства, а именно: катастрофа как результат негативного социального или природного катаклизма; ситуация коллективного стресса в общности; противоречие между способностью справляться с деструктивными факторами и их негативным влиянием [9].

Борис Порфирьев уточняет, что в ряде случаев исследователи рассматривают катастрофы с точки зрения статичности и тогда они трактуются как **события**; при другом подходе – динамическом – катастрофы трактуются как социальное состояние; в некоторых исследованиях катастрофу определяют как **причину** последующих нарушений социального порядка. Вместе с тем в исследованиях социальной направленности катастрофа рассматривается как социальная конструкция: как результат или последствия тех или иных **социальных** процессов; как результат действия **комплекса различного рода причин** (природных, технологических, социальных, политических) и **последствий**, как физических, так и социальных [10, р. 288].

Как отмечают сами исследователи, различия в подходах не носят принципиального характера, скорее дополняют и развивают друг друга. В рамках статьи целевой интерес, соответственно, представляет социологический дискурс по отношению к содержанию понятия катастрофы. В связи с этим приведем определение, которое мы считаем рабочим. Как катастрофа нами рассматривается необычное событие, имеющее место на уровне общества или его подсистем (регион, сообщество), которое характеризуется нарушением социального порядка и наличием физического ущерба. Ключевыми чертами таких событий являются: 1) время между определением разрушительных обстоятельств и реальным эффектом на определенных уровнях; 2) значительность социальных разрушений и физического ущерба; 3) размах удара (социальные и географические границы разрушений); 4) длительность удара (время от начала эффекта до момента, когда эффект более не фиксируется) [11].

Авария на Чернобыльской АЭС по всем приведенным выше критериям и подходам относится к классу крупнейших ядерных катастроф с долгосрочными социальными последствиями, касающимися различных категорий жертв, общностей, регионов, стран. Авария на атомной станции в Фукусиме продемонстрировала, что чернобыльский опыт мировым сообществом не отрефлексирован.

Чернобыльские спасатели: социальное самочувствие и реабилитация

Репрезентативные эмпирические исследования самой разнообразной направленности в зараженных радиацией населенных пунктах среди представителей контингента ликвидаторов и других спецконтингентов стали проводиться с 1992 г. Исследования в основном осуществлялись в рамках государственных (сначала союзной, затем республиканской) программ, финансируемых из госбюджета через Министерство по чрезвычайным ситуациям.

Институт социологии РАН неоднократно включался как головная организация, а также как соисполнитель в научно-практические разработки, связанные с изучением социальных последствий чернобыльской аварии. В частности, сектором проблем риска и катастроф наряду с анализом американского и японского опыта социальной реабилитации жертв атомных испытаний и бомбардировок на протяжении ряда лет проводились разовые и мониторинговые опросы чернобыльских спасателей (ликвидаторов): один по общероссийской выборке (опрошено 604 чел.); три в режиме мониторинга по трем областям – Брянской, Владимирской, Московской (в среднем по 200 чел. в каждом регионе); по городу Москве. Все выборки случайные, репрезентативные.

Изучение динамики основных показателей уровня и качества жизни российских ликвидаторов показывает, что в постчернобыльский период для этой категории жертв речь следует вести о необходимости как психологической и физической, так и социальной реабилитации. Посткатастрофное восстановление в общем смысле представляет собой крайне сложный и противоречивый социально-экономический процесс, целью которого является воссоздание комплекса стандартов предкатастрофной повседневной жизни на уровне как сообщества, так и отдельных семей и индивидов.

Что касается профессиональных спасателей, то анализ зарубежного и отечественного опыта показывает, что в посткатастрофный период они страдают преимущественно от проблем физического и психологического здоровья [12].

По-видимому, тот факт, что эта категория участников катастрофы является профессионально подготовленными специалистами, к тому же добровольно избравшими сферу деятельно-

сти, не вызывает негативных социальных последствий в посткатастрофный период. Чернобыльские спасатели не были профессионалами, то есть не имели специальных знаний и навыков поведения в условиях чрезвычайной ситуации, в частности радиационной катастрофы; они не были психологически подготовлены к деятельности в экстремальных условиях. Более того, ни российское общество, ни система социальной защиты России не имели опыта и четкой концепции помощи ликвидаторам в посткатастрофный период. Действующий и в настоящее время Закон о социальной защите лиц, пострадавших от воздействия радиации, построен преимущественно на материально-компенсационной концепции социальной поддержки жертв Чернобыля. Как отмечали руководители МЧС РФ, анализируя опыт преодоления последствий аварии на ЧАЭС, правовые механизмы социальной защиты населения, пострадавшего от радиационного воздействия, стали формироваться без научной проработки или использования международного опыта. Многочисленные постановления и распоряжения по конкретным, узконаправленным проблемам ликвидации последствий аварии в той или иной степени затрагивали вопросы социальной защиты ликвидаторов и пострадавшего населения, но не исходили из единой концепции и поэтому были недостаточно эффективны и зачастую противоречивы [13, с. 26]. Первоначально программы преодоления последствий чернобыльской аварии строились на базе рекомендаций Международной комиссии, определяющей риск радиационного воздействия как вероятность того, что у потенциально облученного индивида или его потомков появятся серьезные нарушения здоровья [14].

Это обстоятельство обусловлено в первую очередь неопределенностью понятий посткатастрофного восстановления, видов ущерба от участия в ликвидации последствий радиационной катастрофы. В мировой практике анализа и управления промышленными рисками вплоть до аварии на Чернобыльской АЭС преимущественно использовался технический подход. Чернобыльская катастрофа убедительно показала, что обеспечить эффективное посткатастрофное восстановление (реабилитацию) различных категорий и групп пострадавших невозможно, если ущерб от этих событий понимается только исходя из технических параметров.

Социальные проблемы российских ликвидаторов сходны с теми, которые обнаружались у других пострадавших от атомного поражения: жертв атомной бомбардировки Японии, американских солдат, участвовавших в атомных испытаниях в Неваде и на Тихом океане в 1945–1962 гг.

Как показал, например, опыт Японии, сущность проблемы реабилитации пораженных радиацией (хибакуся) не может быть сведена лишь к медицинским и экономическим проблемам. За скобками остается целый комплекс социальных и психологических факторов. Этическая реабилитация и моральная поддержка оказываются не менее значимыми факторами восстановления в посткатастрофный период, чем медицинские и материально-компенсационные.

Исследования показали, что и российских ликвидаторов, и их семьи отличает целый ряд социальных проблем, являющихся следствием их причастности к чернобыльской катастрофе [15; 16].

Значительная часть ликвидаторов не уверена в прочности своего брака, в частности вследствие ухудшения состояния своего здоровья; портятся и внутрисемейные отношения, усиливается раздражительность. Ликвидаторы часто вносят меньший вклад в семейный бюджет, чем остальные члены семьи. Значительной части ликвидаторов пришлось сменить работу, но и с новой работой справляются далеко не все. Удовлетворенность работой у ликвидаторов также невысокая.

Часть чернобыльских спасателей подвержена депрессивному состоянию, о чем свидетельствуют те симптомы ухудшения здоровья, которые они называют. У значительной части ликвидаторов отмечаются снижение потребности в общении, нарастание чувства одиночества, отчужденности за годы после катастрофы. Этим ликвидаторов значительно меньше, чем других, интересуют отдых, развлечения, общение с друзьями, положение в обществе. Работа как способ самореализации и душевный покой – вот их главные интересы. Среди ликвидаторов отмечается рост часто употребляющих спиртные напитки, изменяются и их предпочтения в пользу крепких спиртных напитков.

Большинство ликвидаторов отмечают ухудшение состояния здоровья. Хронические заболевания у большинства ликвидаторов зафиксированы после 1986 г.

Основные сферы, в которых ликвидаторы особенно остро ощущают свою социальную незащищенность, – это сфера занятости, материальное благосостояние семьи, социальные гарантии. Социальные проблемы ликвидаторов, сгруппированные по сферам жизнедеятельности, представлены ниже.

Семья. Центральными проблемами ликвидаторов в этой сфере являются ухудшение отношений с членами их семей, невыполнение пункта Закона о предоставлении льгот детям ликвидаторов.

Материально-экономическая сфера. Неудовлетворенность уровнем зарплаты и невыполнение пункта Закона о выплатах денежных компенсаций.

Жилищные проблемы. Отсутствие жилья и недостаток удобств в квартирах.

Профессиональная сфера. Неудовлетворенность содержанием труда, отношениями в коллективе и с начальством, вынужденная, но нежелательная смена работы (по состоянию здоровья,

из-за низкого уровня зарплаты) обуславливают трудности самореализации ликвидаторов в профессиональной сфере.

Проблемы, связанные с состоянием здоровья. Центральной проблемой в этой сфере является ухудшение состояния здоровья ликвидаторов.

Проблемы медицинского обслуживания ликвидаторов. Нерегулярность медицинского обслуживания; низкая квалификация врачей; отказы в предоставлении санаторного лечения и группы инвалидности в тех случаях, когда это необходимо; постановка на учет в медицинских учреждениях «на бумаге».

Отношения ликвидаторов с представителями различных социальных групп. Проблемы связаны с восприятием ликвидаторами окружающей их социальной среды как враждебной, что проявляется в недоверии, необходимости осторожного отношения к людям и отрицательном отношении к представителям ряда социальных групп, выделяемых на основании материального положения и рода деятельности.

Отношения ликвидаторов с представителями государственных органов (ликвидатор и государство). Проблемы связаны с недостаточным уровнем информированности о влиянии радиации на организм человека и окружающую среду; неосведомленностью о льготах; бюрократической «пробуксовкой» механизма реализации Закона. Причинами этой проблемы являются, во-первых, неинформированность чиновников на местах о льготах ликвидаторов; во-вторых, бесхозяйственность представителей социальных институтов (т. е. чиновники не берут на себя ответственность за исполнение Закона).

Следствием перечисленных проблем выступает несоответствие декларируемого и реального статусов ликвидаторов: вместо получения положенных льгот они вынуждены ходить по инстанциям.

Анализ действенности механизмов социальной защиты ликвидаторов как особой группы показал, что взаимоотношения ликвидаторов с различного рода службами, организациями по поводу льгот и компенсаций, полагающихся им по Закону, представляют для них особую проблему. Низкий уровень информированности ликвидаторов об их правах и льготах, неэффективность механизмов реализации социальной защиты обуславливают тот факт, что значительная часть ликвидаторов ощущает себя морально ущербными не столько вследствие работы в Чернобыле, сколько в результате отсутствия «человеческого отношения, внимания» со стороны государства и общества в целом.

Участники ликвидации последствий чернобыльской катастрофы в общественном сознании обладают низким статусом. Их реальная заслуга не находит должного отражения в средствах массовой информации. Закон о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации, в отношении ликвидаторов носит преимущественно материально-компенсационный характер, не учитывает уровень и характер морального ущерба, который понесли ликвидаторы. Между тем значительная часть ликвидаторов страдает от посткатастрофного стресса, а психологический ущерб можно компенсировать только адекватными способами, то есть психологической помощью.

Организация социальной помощи жертвам атомного поражения, в частности ликвидаторам, отличается специфическими чертами, характерными для социокультурной традиции тех или иных стран. Скажем, в Японии огромный вклад в организацию системы помощи хибакуса внесли общественные организации жертв, а также органы местных администраций. Без инициативы и давления общественных организаций, их тесной связи с политическими партиями, международной поддержки решение проблем жертв атомной бомбардировки было бы невозможно. Местные администрации в свою очередь явились не только источником начального решения проблем, но и основным проводником и исполнителем государственной политики. Такой опыт обусловил высокий уровень общественного доверия японцев правительству, когда произошла авария на атомной станции «Фукусима-1».

Социальная реабилитация российских ликвидаторов-чернобыльцев представляет собой крайне противоречивый процесс. Общественные организации ликвидаторов-чернобыльцев хотя и многочисленны, но слабы организационно и финансово; местные администрации заняты скорее проблемами собственного выживания, нежели поддержкой социально уязвленных групп населения своего региона. Заинтересованность в социологическом мониторинге показателей уровня и качества жизни чернобыльцев в обществе невысокая. Потребность в такой информации со стороны общественных организаций не подкреплена финансовыми средствами. Система социальной защиты сосредоточила мониторинговые исследования на категории пенсионеров. Между тем именно социологические мониторинговые исследования продемонстрировали ограниченность концепции социальной защиты, базирующейся на признании только материального и физического ущерба от катастрофы. Изменения в структуре жизненных ценностей, особенности миграционного поведения, проблемы в сфере занятости, внутрисемейные проблемы, соци-

альная дезадаптация, отчуждение от социального бытия – все это социальные последствия катастрофы, социальный, психологический, духовный ущерб, реальный или субъективно воспринимаемый уровень которого не снижается посредством льгот и компенсаций.

Анализ зарубежного и собственного опыта позволяет сформулировать следующий подход к посткатастрофному социальному восстановлению (реабилитации). Социальная реабилитация представляет собой длительный процесс реадaptации субъектов к окружающей социальной среде. Центральным положением концепции социальной реабилитации представляется взаимная ответственность государства и граждан. Государство несет ответственность за разработку и реализацию таких социальных программ, которые исключают возможность развития иждивенческих установок у части граждан, способствуют развитию процессов самоорганизации и самоуправления на уровне территориальных поселенческих общностей в рамках тех или иных категорий пострадавших, к примеру ликвидаторов, переселенцев, «возвращенцев».

Основная задача социальной реабилитации состоит в стабилизации высокого и повышении низкого качества жизни различных социальных слоев и групп населения, пострадавшего от катастрофы, с учетом конкретных социально-экономических и политических условий. Для ликвидаторов социальная реабилитация есть процесс воссоздания прежнего уровня социальной защищенности, социального самочувствия, возвращения к полноценной социальной жизнедеятельности через формирование новой или корректировку прежней модели образа жизни.

Система социальной реабилитации строится на базе широкого взаимодействия правительственных институтов с гражданскими движениями, общественными группами, неправительственными фондами и организациями. Посткатастрофное восстановление (реабилитация) территорий и поселенческих общностей, различных контингентов пострадавших представляет собой сложную систему социальной коммуникации. Успех реабилитации непосредственно зависит от наличия в обществе развитой структуры социальных институтов, осуществляющих социальную работу, а также от наличия и влияния социальных субъектов, составляющих основу гражданского общества, – неправительственных, некоммерческих форм самоорганизации на различных уровнях социальной организации общества – от поселенческих общностей до регионов и федерации в целом. В США, например, различного рода услуги и пособия могут получать отдельные лица, семьи, общности, общественные и частные самоуправляющиеся организации.

Существующая в настоящее время в России практика социальной помощи все еще базируется на принципах «централизации», а не гражданского общества: фактически есть только один монополярный субъект, способный предоставить реальную помощь в кризисной ситуации, – государство. Вместе с тем становится все более очевидным, что такой субъект может регулировать только самые общие процессы посткатастрофного восстановления: выделить определенные средства на материальные компенсации и оговорить ряд льгот пострадавшим. Причем механизм реализации такой государственной помощи – целевое безадресное перечисление бюджетных средств в регионы, где эти средства зачастую растрачиваются совсем не на те цели, на которые выделялись.

Перечисленные выше социальные и социально-психологические последствия катастрофы, выявленные в ходе мониторинговых исследований, при таком концептуальном подходе к организации социальной помощи жертвам катастроф в принципе не могут стать объектом внимания общества, поскольку при таком подходе общество отождествляется с государством и его исполнительными структурами (армией чиновников). Такому моносубъекту никогда не дойти до регулирования процессов, которые фиксируют, в частности, социологические и социально-психологические исследования. Необходимо создавать условия для самоорганизации и самоуправления, учитывающие специфику нашего общества, его социокультурную память и традиции. Децентрализация организационной структуры социальной помощи в значительной степени может повысить ее действенность и адресность. Более того, целесообразно способствовать созданию частных, добровольных организаций, облегчив условия лицензирования. Такие организации должны пользоваться льготным налогообложением, страхованием, низкими процентными ставками при получении кредитов и т. п.

Тридцатилетие трагедии должно дать нашему обществу стимул для оценки способности к самоорганизации и взаимопомощи.

Ссылки:

1. Григорьева Р.А., Листова Т.А. Среда обитания и население Чернобыльской зоны Брянской области // Социокультурные последствия чернобыльской аварии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2012. Вып. 230/231. С. 11–29.
2. Barton A.H. Communities in disaster: a sociological analysis of collective stress situations. New York, 1970. 352 p.
3. Carr L. Disaster and the Sequence-Pattern Concept of Social Change // American Journal of Sociology. 1932. № 38. P. 207–218.
4. Sorokin P. Man and Society in Calamity. New York, 1942.

5. Drabek T.E. A History of Sociological Research on Disasters // Proceeding of the United States – Former Soviet Union Seminar on Social Science Research on Mitigation for and Recovery from Disasters and Large Scale Hazards / ed. by E.L. Quarantelli, K. Popov. Newark, 1993. P. 18–25.
6. Quarantelli E.L. Disaster Studies: An Analysis of the Social Historical Factors Affection the Development of Research in the Area // Ibid. P. 23–43.
7. Kreps G.A. Disaster as Systemic Event and Social Catalyst: A Clarification of Subject Matter // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. 1995. Vol. 13, № 3. P. 257–258.
8. Gilbert C. Studying Disaster: A Review of the Main Conceptual Tools // Ibid. P. 231–240.
9. Pelanda C. Disaster and Order: Theoretical Problems in Disaster Research : unpublished paper. 1982.
10. Porfiriev B.N. Disaster and Disaster Areas: Methodological Issues of Definition and Delineation // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. P. 285–304.
11. Kreps G.A. Op. cit.
12. Mitchell J.T. The Impact of Stress on Emergency Service Personal // Policy Issues in Emergency Response. 1992.
13. Марченко Т.А., Сорокин В.С. Государственное регулирование социальной защиты пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС // Социальная и психологическая реабилитация пострадавших от чернобыльской катастрофы: опыт и перспективы. М., 1996. С. 20–40.
14. Принципы радиационной защиты при удалении твердых радиоактивных отходов : публикация 46 МКРЗ. М., 1988.
15. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Качество жизни участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. М., 1994. 77 с.
16. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В., Городничева А.И. Качество жизни и социальная реабилитация участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы: результаты мониторинга // Социальная и психологическая реабилитация ... С. 123–178.

References:

- Barton, AH, 1970, *Communities in disaster: a sociological analysis of collective stress situations*, New York, 352 p.
- Carr, L 1932, 'Disaster and the Sequence-Pattern Concept of Social Change', *American Journal of Sociology*, no. 38, pp. 207-218.
- Drabek, TE 1993, 'A History of Sociological Research on Disasters', in EL Quarantelli, K Popov (ed.), *Proceeding of the United States – Former Soviet Union Seminar on Social Science Research on Mitigation for and Recovery from Disasters and Large Scale Hazards*, Newark, pp. 18-25.
- Gilbert, C 1995, 'Studying Disaster: A Review of the Main Conceptual Tools', *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*, vol. 13, no. 3, pp. 231-240.
- Grigorieva, RA & Listova, TA 2012, 'Habitat and population of the Chernobyl zone of the Bryansk region', *Sotsiokul'turnyye posledstviya chernobyl'skoy avarii. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii*, Moscow, vol. 230/231, pp. 11-29, (in Russian).
- Kreps, GA 1995, 'Disaster as Systemic Event and Social Catalyst: A Clarification of Subject Matter', *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*, vol. 13, no. 3, pp. 257-258.
- Marchenko, TA & Sorokin, VS 1996, 'State regulation of social protection of victims of the Chernobyl accident', *Sotsial'naya i psikhologicheskaya reabilitatsiya postradavshikh ot chernobyl'skoy katastrofy: opyt i perspektivy*, Moscow, pp. 20-40, (in Russian).
- Mitchell, JT 1992, 'The Impact of Stress on Emergency Service Personal', *Policy Issues in Emergency Response*.
- Mozgovaya, AV & Shlykova, EV 1994, *The quality of life of participants of liquidation of consequences of the Chernobyl catastrophe*, Moscow, 77 p., (in Russian).
- Mozgovaya, AV, Shlykova, EV & Gorodnicheva, AI 1996, 'Quality of life and social rehabilitation of participants of liquidation of consequences of the Chernobyl disaster: monitoring results', *Sotsial'naya i psikhologicheskaya reabilitatsiya postradavshikh ot chernobyl'skoy katastrofy: opyt i perspektivy*, Moscow, pp. 123-178, (in Russian).
- Pelanda, C 1982, *Disaster and Order: Theoretical Problems in Disaster Research: unpublished paper*.
- Porfiriev, BN, 'Disaster and Disaster Areas: Methodological Issues of Definition and Delineation', *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*, pp. 285-304.
- Quarantelli, EL 1993, 'Disaster Studies: An Analysis of the Social Historical Factors Affection the Development of Research in the Area', in EL Quarantelli, K Popov (ed.), *Proceeding of the United States – Former Soviet Union Seminar on Social Science Research on Mitigation for and Recovery from Disasters and Large Scale Hazards*, Newark, pp. 23-43.
- Sorokin, P 1942, *Man and Society in Calamity*, New York,
- The principles of radiation protection at the removal of solid radioactive waste: ICRP Publication 46* 1988, Moscow, (in Russian).